Это не молоденькая девочка с сакурой в руке, а японка «с судьбой». Люди хотят развлечься, а она ходит, это Несчастье, никому не нужное, в кимоно и «цепляет» видом, и печалью, и возрастом

слой земли – и так весной и осенью целыми годами. У меня всю жизнь была эта тяга, чтобы земля под ногами, чтобы утром выйти и нюхать и дивиться каждому бутону, каждому ростку. У дедушки был чудный садик, у мамы с папой – нет, с родителями и в Майкопе, и в Москве жила в бетоне. Сейчас у меня в Москве немножко жилищный кризис, я здесь почти круглый год. А вот когда жила в мегаполисе, с ума сходила в этом асфальте. Машина – театр – дом бетонный. Бетонный двор, полный машин, асфальт, песок. А тут очень мало – полдомика всего да пятнадцать соток на двоих вместе с дорогой, но когда появился кусочек земли, то руки сами потянулись. Здесь же лес кругом, хотя люди его погубили, замусорили, извели. Но на нашей территории с Аллочкой лес чистый: цветы и ели.

– Ваши близкие разделяют эту вашу страсть?

– Муж любит природу, но не фотографирует. Он экстремал: пожары, войны, убийства, митинги, акции протеста – вот что он любит. А почки и цветочки – это мое. Иногда папа приезжает, но он слепой, он не видит эту дивную красоту, только нюхает воздух, но он – городской человек, к сожалению.

– Давайте о премьере: интересно, сразу ли вы согласились на эпизод у Серебренникова?

– Не задумываясь. Нет, я все-таки задумалась, потому что в театре роль японки прекрасно играет очень близкая моя подруга Алла Покровская. А Серебренников... Я даже не уверена, что он сам меня позвал – мне кажется, это мысль его продюсера. Но это не имеет значения: я почему-то сразу же стала сравнивать Кирилла с Эфросом. Всего раз в жизни работала я с Анатолием Васильевичем, но вот это внимание Серебренникова к людям, от реквизитора до народного артиста – одинаково интеллигентное ко всем – напомнило мне Эфроса. Еще поразила его манера работы: он настолько увлечен процессом, что ничего вокруг не замечает, полностью погружен в работу. То же самое я наблюдала у Анатолия Васильевича: тот двумя-тремя мазками набрасывал сцену и характеры – и сразу почему-то становилось легко и все понятно.

– Вы вот снимались в окружении молодых, не всем известных актеров: вам с ними комфортно? Было чему у них поучиться или поучить?

– Я готова бежать за его табунком. Но учить – я никогда не смею, я считаю – унизительно учить партнера. Даже если ему двадцать, он равный коллега: у него свой подход к роли, у тебя свой, и ничего диктовать нельзя. Иначе зажим и все – я сама такая. Хотя вот Покровскую слушаю, в ее советах нуждаюсь, но она педагог потрясающий, у нее опыт огромный и плюс по натуре она режиссер: умеет как-то необидно, не менторски подкинуть нужный ход, интонацию, краску.

– И все же чем вас привлекла роль в фильме Серебренникова? Она же маленькая.

– Да просто крошечная! Но про меня и моих тюзовских партнерш, бывших травести, которые уходят из театра или их уходят по разным причинам. Постаревшая травести никому не нужна, и тогда не на что жить, потому что пенсия мизерная. И вот они пытаются устроиться в театр хотя бы реквизитором, костюмером, помрежем, суфлером... А тут моей героине выгодное предложение – ходить по ресторану одетой для колорита Японкой. Но это не молоденькая девочка с сакурой в руке, а японка «с судьбой». Люди хотят развлечься, а она ходит, это Несчастье, никому не нужное, в кимоно и «цепляет» видом, и печалью, и возрастом. Ее держат, как декорацию, как реквизит, на нее давят все, ею командуют, ей нельзя выпить, нельзя побыть в центре внимания и повеселить публику, как просит актерская душа. Про нее даже пьесу можно написать, и очень хорошую: история тюзовской актрисы-травести. Я когда пришла в ТЮЗ на место травести Лизы Фогель (даже имя ее помню), ее вывели на пенсию, а меня молоденькую, подающую надежды, взяли. И Лиза выбросилась из окна. Она не могла без театра, а ведь ей было всего 50 лет... Сыграть бы Лизу, да пьесы такой не написано.

– Вы в фильме еще петь собираетесь?

– Это ужасно, но пришлось. Причем я рассчитывала: как в «Дюймовочке» или «Старых клячах», за меня будет петь профессионал, я тут же предложила ее голос. Но режиссер прав: он все время работает с музыкальными актерами, и это не каприз, не самодурство какое-то. Для меня же это мука – даже в ТЮЗе, где мне приходилось исполнять песенки регулярно, я стра-